
В МИРЕ ГЛОБАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ

ЭФФЕКТЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ МИГРАЦИИ В КОНТЕКСТЕ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИХ КОНЦЕПЦИЙ «МЯГКАЯ СИЛА» И «ДИПЛОМАТИЯ ЗНАНИЙ»*

Алешковский И. А., Гребенюк А. А., Уначев Т. Ч.**

В статье систематизируются эффекты от образовательной миграции для стран-доноров, отдающих мигрантов, и стран-реципиентов, принимающих их у себя. Эффекты рассматриваются в политическом, социально-экономическом, культурном, демографическом аспектах. Все эффекты анализируются исходя из теоретико-методологических положений концепций «мягкой силы» Дж. Ная и «дипломатии знаний» Дж. Найта. Рассматривается актуальность данных подходов в условиях современных геополитических трансформаций и их методологический потенциал. Широко используются данные международных институтов и центров образования. Делается вывод, что в случае международной образовательной миграции страны-реципиенты благодаря инструментам «мягкой силы» получают положительные долгосрочные мультипликативные эффекты: воспитывают «агентов влияния», политико-экономическую, социокультурную и медийную элиту стран-доноров, получают возможность формировать общественное мнение, получают человеческий капитал, который в будущем окажется способен делать научные открытия и развивать передовые отрасли экономики. Страны-

* **Для цитирования:** Алешковский И. А., Гребенюк А. А., Уначев Т. Ч. Эффекты международной образовательной миграции в контексте внешнеполитических концепций «мягкая сила» и «дипломатия знаний» // Век глобализации. 2026. № 2. С. 48–60. DOI: 10.30884/vglob/2026.02.04.

For citation: Aleshkovsky I. A., Grebeniuk A. A., Unachev T. Ch. The Effects of International Educational Migration in the Context of the Foreign Policy Concepts of “Soft Power” and “Knowledge Diplomacy” // Vek globalizatsii = Age of Globalization. 2026. No. 2. Pp. 48–60. DOI: 10.30884/vglob/2026.02.04 (in Russian).

** Алешковский Иван Андреевич – к. э. н., доцент, директор Центра стратегии развития образования МГУ имени М. В. Ломоносова. E-mail: aleshkovski@yandex.ru.

Ivan A. Aleshkovsky – Ph.D. in Economics, Associate professor, Director of the Center for Educational Development Strategy of Lomonosov Moscow State University. E-mail: aleshkovski@yandex.ru.

Гребенюк Александр Александрович – д. э. н., профессор кафедры социологии знания Высшей школы современных социальных наук (факультет) МГУ имени М. В. Ломоносова. E-mail: gaa-mma@mail.ru.

Alexander A. Grebeniuk – Dr. Econ., Professor of the School of Contemporary Social Sciences of Lomonosov Moscow State University. E-mail: gaa-mma@mail.ru.

Уначев Темирлан Чаримович – аспирант кафедры геополитики факультета глобальных процессов МГУ имени М. В. Ломоносова. E-mail: temirlan.unachev@list.ru.

Temirlan Ch. Unachev – Temirlan Ch. Unachev – Post-graduate student at the Faculty of Global Studies at Lomonosov Moscow State University. E-mail: temirlan.unachev@list.ru.

Век глобализации 2/2026 48–60

DOI: 10.30884/vglob/2026.02.04

доноры получают положительные эффекты только при реализации «дипломатии знаний». В таком случае студенты выступают дополнительным интеграционным механизмом, способствующим поиску компромиссов и взаимовыгодному сотрудничеству между странами.

Ключевые слова: миграция, образовательная миграция, мигранты, студенты, человеческий капитал, мягкая сила, дипломатия знаний.

THE EFFECTS OF INTERNATIONAL EDUCATIONAL MIGRATION IN THE CONTEXT OF THE FOREIGN POLICY CONCEPTS OF “SOFT POWER” AND “KNOWLEDGE DIPLOMACY”

The article systematizes the effects of educational migration for donor countries that donate migrants and recipient countries that host them. The impacts are examined from socio-political, economic, cultural, and demographic perspectives. The analysis of all effects is conducted using the theoretical and methodological foundations of Joseph Nye’s “soft power” policy and Jane Knight’s “knowledge diplomacy”. The authors consider the relevance of these approaches to modern geopolitical transformations and their methodological future. They make conclusions using data from international educational centers. The authors conclude that in the case of educational migration, recipient countries, thanks to their “soft power”, receive positive long-term effects. They create “agents of influence” lobbying interests in the donor country, influence the political, social, cultural and information elite. These countries acquire significant human capital at minimal expense, which will be capable of fostering cutting-edge economic sectors in the future. The donor countries receive positive effects only through the implementation of “knowledge diplomacy”. In this case, students act as a political integration factor. Students help to find compromises and build mutually beneficial cooperation between countries in various fields.

Keywords: migration, educational migration, migrants, students, human capital, soft power, knowledge diplomacy.

Введение

В условиях постиндустриального общества и «экономики знаний» экспорт национальных образовательных программ, привлечение молодых талантов (студентов, аспирантов, стажеров, молодых ученых), будущих высококвалифицированных специалистов (в первую очередь представителей STEM-наук) являются приоритетами для государств-лидеров мирового развития. Страны привлекают образовательных мигрантов с помощью управленческих инструментов, как правило, специальных программ, направленных на решение внутри- и внешнеполитических, экономических, социальных и демографических задач.

Данное исследование ставит целью систематизировать эффекты для стран-реципиентов, которые привлекают образовательных мигрантов, и последствия для стран-доноров, из которых они эмигрируют. В качестве исходного положения и исследовательского вопроса выступает следующее утверждение: внешне- и внутриполитические, социально-экономические, демографические эффекты образовательной миграции не формируются стихийно, а являются результатом целенаправленной политики государств и их отдельных институтов. При этом теоретико-методологической основой представленного анализа выступают концепции «мягкой силы»

и «дипломатии знаний», в проблемном поле которых систематизируются эффекты и последствия международной образовательной миграции.

Степень научной разработанности темы

Современные тенденции изучения международных процессов (в том числе миграционных и образовательных) характеризуются значительным количеством теоретических и прикладных исследований политологических концептов «мягкой силы», «дипломатии знаний», а также феномена «международной образовательной миграции».

Среди зарубежных исследований основное внимание уделяется работам Дж. Ная, предложившего концепцию «мягкой силы», и альтернативному подходу Дж. Найт, предложившей концепцию «дипломатии знаний». Авторы настоящей работы также опираются на накопленный опыт в изучении политических инструментов и образовательной миграции исследователей МГУ имени М. В. Ломоносова. О «мягкой силе», манипулятивных и социальных технологиях, информационной войне в социополитическом и идеологическом ракурсе пишут А. А. Гребенюк, О. Г. Леонова, М. М. Лебедева, А. О. Наумов. Образовательную миграцию, экспорт образования, вопросы «притока» и «утечки умов» из России, масштабы, эффекты и последствия образовательной миграции изучают И. А. Алешковский, С. В. Рязанцев, Т. К. Ростовская, А. Т. Гаспаришвили, З. С. Бочарова, О. Г. Леонова, А. А. Гребенюк, Т. В. Лебедева, В. А. Ионцев, О. Д. Воробьева, С. А. Барков, А. С. Максимова.

Методология

Статья носит междисциплинарный характер, поскольку концепции «мягкой силы» и «дипломатии знаний», а также феномен образовательной миграции изучаются в рамках геополитики, социологии, экономики, демографии. В статье применяются методы аналогии, обобщения, компаративистского анализа. Используются данные программы Фулбрайта (Fulbright Program), Ассоциации педагогов в сфере международного образования (NAFSA: Association of International Educators), которая агрегирует информацию Государственного департамента США, Министерства образования США, Министерства торговли США, а также результаты доклада «Экономическое влияние иностранных студентов и выпускников на принимающие страны» (The Economic Impact of International Students and Graduates on Host Countries), подготовленного национальными образовательными институциями (советами, службами, институтами, агентствами, организациями) девяти стран.

Отметим, что в статье говорится об образовательной миграции и образовательных мигрантах как о более широких понятиях, чем учебная миграция и учебные мигранты. Это сделано с целью показать взаимосвязь образовательной миграции, политической и социально-экономической сфер.

Особенности концепции «мягкая сила»

Термин «мягкая сила» был предложен американским политологом, профессором Дж. Наем-младшим в начале 1990-х гг. Власть (power), по Дж. Наю, бывает четырех видов [Nye 2023: 4]:

- «жесткая», или «командная» (hard or command power);
- «острая» (sharp power);
- «кооптивная», или «мягкая» (co-optive or soft power);
- «умная» (smart power).

«Жесткая сила» проявляется, когда одно государство «приказывает другим делать то, что оно хочет». Это давление, в котором используется метод «кнута и пряника» (brandishing carrots or sticks). Одной из разновидностей «жесткой силы» Най считал «острую» силу, под которой понимал пропаганду, манипуляцию информацией, цензуру, давление на неформальных лидеров.

Най исходил из того, что такие традиционные инструменты «жесткой силы» великих держав, как военная мощь, численность населения и запасы сырья, утрачивают свое влияние. Сила (power) современных государств, по его мнению, содержится в «способности менять поведение государств», «контролировать других», «заставлять их делать то, чего они не стали бы делать сами». Всего этого можно добиться с помощью «мягкой силы». Дж. Най полагает, что «мягкая сила» – скорее «способность заставить других хотеть того же, чего хотите вы» [*Ibid.*: 4–12], «способность влиять на других для достижения желаемых результатов посредством привлекательности, а не принуждения или оплаты» [Nye 2008]. Среди ее ресурсов и инструментов он выделял культурную привлекательность, идеологию, институты и отмечал, что они неосознанные и недорогие, а пользы от Голливуда, идей «гражданского общества», «либеральной демократии», «свободного рынка» для США больше, чем от работы официальной дипломатии [*Idem* 2021; 2023: 3–17].

Отдельное внимание Дж. Най уделял исследованию роли американских университетов и фондов в продвижении национальной «мягкой силы» [*Idem* 2005]. Он считал, что система академических обменов – важный элемент в воспитании будущей элиты зарубежных стран, поэтому США не должны терять лидерство в привлечении талантливой молодежи. Сегодня исследователи «мягкой силы» в контексте образования сходятся во мнении, что студенты, обучаясь в зарубежных странах, меняют свои политические взгляды, усваивая ценности страны-реципиента вне зависимости от того, на чьи средства они обучаются – свои собственные или стипендию учебного заведения [Lomer 2017]. Помимо студентов в продвижении «мягкой силы» и интересов страны-реципиента сегодня большую роль играют международные рейтинги университетов, библиографические и реферативные базы данных, позиционирование и брендинг вузов в социальных медиа [Marginson 2023; Антонова и др. 2020].

Дж. Най отмечал, что мощь вышеописанных инструментов «мягкой силы» США настолько велика, что позволяет ей удерживать мировую гегемонию, так как молодежь многих стран следует американской моде, ведет американский образ жизни, а по возможности стремится жить и учиться в США. При этом Дж. Най понимал, что инструменты «мягкой силы» сами по себе (мода, музыка, фильмы, образ жизни и др.) не всегда эффективны. Геополитическая ситуация, интернет-технологии, необходимость США постоянно поддерживать свою гегемонию вынудили его разработать более сложный и многогранный концепт, который он назвал «умной силой», соединяющей в себе элементы «мягкой» и «жесткой силы». Точнее подход Дж. Най можно определить как «применение силы с умом»: продвижение

собственных ценностей силой примера, в том числе и угрозами применения оружия. В качестве примера «умной силы» Дж. Най приводил фразу Б. Клинтона, заявлявшего, что США должны «лидировать благодаря силе примера, а не примеру силы» [Nye 2009]. Похожую фразу употреблял и Дж. Байден в своей инаугурационной речи 20 января 2021 г.: «Мы будем вести за собой не только силой нашей власти, но и силой нашего примера» [President... 2021]. Именно такую политику США проводят последние десятилетия. Подробно актуальность концепта «мягкой силы» применительно к современной ситуации в области международного образования будет раскрыта далее.

Концепция «дипломатии знаний»

Альтернативный подход предложила Дж. Найт, которая изучала роль высшего образования, научных исследований и инноваций в рамках международных отношений (International Higher Education, Research and Innovation, IHERI). Она является критиком концепта «мягкой силы» и автором подхода «дипломатии знаний» (“knowledge diplomacy”) [Найт, де Вит 2018]. По ее мнению, «мягкая сила» – это лишь новое привлекательное обличье для гегемонии одних стран над другими, проявление неокOLONиализма и доминирования. «Мягкая сила» в образовании одержима брендингом, направлена на рекламу учебных заведений для повышения позиций в рейтингах и извлечения прибыли, в то время как истинные цели международного образования заключаются в равноценном обмене знаниями и опытом. «Дипломатия знаний» – это «партнерство, переговоры, содействие, компромиссы, сотрудничество, а не демонстрация власти, авторитета и превосходства» [Knight 2015: 8–9]. По мнению Дж. Найт, в международных отношениях «дипломатия знаний» должна быть инструментом решения глобальных проблем, основываться на фундаментальных функциях высшего образования и служить обществу [Knight 2020: 38–39]. Среди перспективных направлений «дипломатии знаний» Дж. Найт называла создание образовательных городов, центров знаний, научных кампусов, совместных международных университетов, междисциплинарных исследовательских сетей ученых [Knight 2022: 39–50].

Политические эффекты

Обе указанные выше концепции определяют образовательную миграцию как важный инструмент достижения поставленных целей, получения желаемого результата. В этой связи обратимся к политическим эффектам, которые потенциально способны получать страны благодаря инструментам «мягкой силы» и «дипломатии знаний». Эффекты свойственны как для внешнеполитического, так и для внутривполитического уровня. Обучая большое количество студентов-иностранцев, страны-реципиенты получают возможность готовить политическую (как властную, так и оппозиционную), экономическую (руководителей крупных компаний и госструктур), образовательную (руководителей и сотрудников научных, образовательных институтов) элиты для стран-доноров. По возвращении на родину эти мигранты становятся проводниками интересов страны, в которой получили образование. Они привозят не только знания, умения и навыки, но и политические установки, ориентиры, ценности. Образовательные мигранты, став препода-

вателями и учеными, благодаря своему авторитету в будущем могут распространять эти ценности уже на своих студентов.

Сформированная в стране-реципиенте элита, таким образом, может быть источником внутривнутриполитических проблем в стране-доноре: формировать оппозицию, продвигать враждебные идеологии и ценности, в том числе экстремистские. В этой связи необходимо понимать, что студенты и научные сотрудники – социально уязвимая, физически активная и мотивированная категория граждан. В качестве примера можно привести США, которые обучали будущих заметных политических деятелей стран бывшего СССР, которые впоследствии проводили антироссийский курс в своих странах [Рязанцев и др. 2019].

Глобальное продвижение американских ценностей и идей осуществляется уже несколько десятилетий посредством специально разработанных образовательных программ для слушателей самых разных социально-демографических групп – школьников, студентов, политиков, волонтеров, опытных руководителей [Gallarotti 2023]. Причем воспитание элиты зарубежных государств давно артикулируется высшим политическим руководством США как важная внешнеполитическая цель. Так, Кондолиза Райс, госсекретарь США в 2005–2009 гг., заявляла: «Каждый иностранный студент в университете США дает нам потенциальную возможность укрепить демократию в Америке и помочь распространению свобод за рубежом» [Secretary... 2006]. Для этой цели в США функционирует программа Фулбрайта (Fulbright Program). Она стартовала в 1946 г. на средства, полученные США от реализации излишков военной техники после окончания Второй мировой войны. С этого времени программа подготовила 450 тыс. выпускников из 160 стран. В год по ней выдается около 9 тыс. стипендий, а филиалы организации существуют в 49 странах [Fulbrighter...]. С 1992 г. программа расширила свою географию, начав сотрудничество с Болгарией, Румынией, Чехией, Венгрией, Польшей, Словакией [The Fulbright...]. На 2020 г. выпускники программы возглавляли шесть стран, а 63 участника были удостоены Нобелевской премии. Стоит отметить, что подобные программы, курируемые правительствами, существуют не только в США, но и в других странах – Великобритании (стипендия Чивнинг), Германии (стипендия DAAD), Франции (стипендия Эйфеля), Китае (стипендия Института Конфуция).

В рамках Фулбрайта функционирует стипендиальная программа Хьюберта Х. Хамфри (финансируется Государственным департаментом США), направленная на «развитие лидерских качеств» у руководителей в сферах финансов, государственного управления, журналистики, прав человека, природных ресурсов и образования (Humphrey Fellowship). Программа предусматривает обязательное возвращение участника: «На родине ученики оказывают долгосрочное влияние на свое окружение, применяя полученные знания и навыки с целью масштабных изменений в своих организациях». Стипендиатами программы стали около 7000 человек из 167 стран. Среди них главы государств, регионов и городов, судьи, представители крупного бизнеса. На сайте программы сказано, что 46 % выпускников участвовали в разработке политических курсов своих стран, консультировали высших чиновников, 80 % внедряли практики и методы управления в компаниях [The Hubert...].

Согласно концепции «дипломатии знаний», которая рассматривает стороны как равноценные, отмечается возможность студентов налаживать международные культурные и инвестиционные связи, способствовать политической интеграции регионов, формировать лобби в международных организациях, отражать в своей научной и педагогической деятельности современный переход к многополярному мироустройству. Так как международные студенты в процессе обучения приобретают широкие межличностные сети неформальных связей, они могут формировать альтернативные коммуникационные каналы, оказывать содействие официальным представительствам стран в поиске компромиссов в различных областях международного взаимодействия.

Социально-экономические и демографические эффекты

Автор синтетической теории миграции Д. Массей писал, что миграция высококвалифицированных кадров происходит поэтапно: на первом этапе уезжают самые образованные (*well-educated*), квалифицированные (*skilled*), продуктивные (*productive*) и мотивированные (*highly motivated*). Со временем миграция становится менее избирательной: начинает переезжать следующая волна, таким образом, постепенно «человеческий капитал» истощается в стране-доноре и накапливается в стране-реципиенте. Это позволяет последней повышать производительность, снижать затраты, увеличивать объемы производства, ускорять экономическое развитие. В отдающей стране происходят обратные процессы, в первую очередь экономическая стагнация, которая, в свою очередь, провоцирует следующую волну миграции и усиливает миграционные настроения. Постепенно миграционные потоки становятся стабильными. Д. Массей отмечал, что миграционные тренды способны эволюционировать из-за социальных, экономических и политических потрясений [Massey *et al.* 1993].

Сегодня в мире обостряется конкуренция за таланты. Образовательная миграция помогает странам-реципиентам привлекать «человеческий капитал» высокого качества. Любая миграция содержит в себе трудовой элемент, и при длительном нахождении в стране-реципиенте студент в итоге выходит на рынок труда, поэтому «капитал» студентов – это не только их нынешние знания, но и возможность их применения в будущем. Это также их предпринимательская инициативность, креативное мышление, способность создавать новые перспективные отрасли экономики. Например, как показывает практика в области креативной экономики, образовательные мигранты могут совершать уникальные научные открытия, создавать высокотехнологичные продукты (инструменты ИИ, цифровые платформы), развивать медиаиндустрию и т. д.

Для стран, отдающих студентов, образовательная миграция ведет к постепенному вымыванию и ухудшению человеческого капитала. В наименее развитых странах и ряде развивающихся стран наблюдается дефицит выпускников ведущих университетов в связи с необходимостью серьезных государственных инвестиций в обучение таких кадров, а также из-за эмиграции специалистов, связанных с космической отраслью, медициной, информационными технологиями, микробиологией, креативной экономикой и др. В дальнейшем это также ведет к ухудшению качества государственного управления, снижению предпринимательской активности, стагнации инновационных секторов экономики, потере существенных налоговых поступлений. В то же время страна-реципиент, не затратив средств на до-

школьное, школьное воспитание и обучение студента, его социальное обеспечение, получает кадровый ресурс практически «бесплатно».

Образовательные мигранты также подают пример социального поведения для сограждан, которые остались на родине. Они часто рекомендуют посетить страну-реципиент своим родственникам и друзьям для поиска работы или путешествий. Кроме того, они побуждают сограждан инвестировать в свое образование на родине, а затем эмигрировать [Рязанцев и др. 2008].

В случае если после завершения образования мигрант возвращается на родину, он привозит с собой не только полученные знания и компетенции, но и деловые, научные и личные связи, полученный новый кросс-культурный опыт. Таким образом, наблюдаются немногочисленные эффекты взаимовыгодной «дипломатии знаний» (при этом необходимо помнить, что образовательный мигрант привозит зарубежные ценности и установки).

Вместе с тем следует отметить, что наиболее выгодна для принимающей стороны такая образовательная миграция, при которой студент сам готов платить за возможность учиться в другой стране. В результате страна-реципиент получает вдобавок экономический эффект в виде оплаты, которую мигрант совершает за обучение. Исследователи констатируют, что США, Канада, Австралия, Новая Зеландия «возвели экспорт образовательных услуг в ранг ключевых секторов экономики» [Рязанцев и др. 2019]. Согласно отчету 2025 г. Ассоциации педагогов в сфере международного образования (NAFSA), которая занимается разработкой инструментов оценки экономической ценности иностранных студентов, в 2023/2024 учебном году в США обучались 1 125 780 иностранных студентов, которые внесли в экономику страны более 43,8 млрд долларов и заняли более 378 тыс. рабочих мест (из них 51 % в сфере высшего образования) [International... 2025]. Иностранных студентов в США, которые оплачивают обучение самостоятельно, примерно 56 % (остальные обучаются за счет американских учебных заведений, грантов Госдепартамента США, стипендий собственного правительства) [Головко-Охременко, Честнягина 2025]. Помимо непосредственных расходов студента на само обучение, существуют и косвенные траты, такие как оплата проживания, питания, одежды, развлечений, Интернета, сотовой связи, транспорта, медицинской страховки [The Economic... 2024].

Позитивное влияние в плане притока денежных средств от иностранных студентов отмечается и в докладе «Экономическое влияние иностранных студентов и выпускников на принимающие страны» (The Economic Impact of International Students and Graduates on Host Countries) [Naldi *et al.* 2023]. Согласно его выводам, иностранные студенты выступают драйвером социально-экономического развития Европы и США, а плата за обучение – только «отправная точка», потому что к ней добавляется оплата языковых курсов страны-реципиента (иностранные студенты в 2023/2024 учебном году потратили на них в США 371,3 млн долларов), траты родственников и друзей во время визитов, аренда жилья, расходы на коммунальные услуги, покупка учебников и канцелярии, продуктов питания, одежды, билетов в музеи, театры [International... 2025].

Наконец, образовательная миграция может иметь демографический эффект. О. Л. Рыбаковский и О. А. Таюнова включают миграционный потенциал в определение демографического потенциала как канала повышения численности насе-

ления [Рыбаковский, Таюнова 2019]. Для страны-донора миграция студентов может рассматриваться как потеря демографического ресурса. Отъезд самых мотивированных, способных и талантливых ведет к снижению количества будущих выпускников, сокращению учебных программ, закрытию образовательных учреждений, увеличивает нагрузку на оставшееся трудоспособное население, ведет к старению кадров, кадровому голоду [Андреев и др. 2019]. Для стран-реципиентов приезд образовательных мигрантов, напротив, повышает демографический потенциал. Страны-реципиенты предоставляют им работу (например, США выдают визы H-1B для высококвалифицированных кадров и визу «талантов» O-1), вид на жительство, чем закрепляют их в стране.

Представим основные эффекты от международной образовательной миграции студентов для стран-доноров и стран-реципиентов (Табл.).

Таблица

Основные эффекты международной образовательной миграции

Для страны – реципиента образовательных мигрантов	Для страны – донора образовательных мигрантов
Внешнеполитические и внутриполитические эффекты	
1. Посредством подготовки для страны-донора политической, экономической, медиаинформационной элиты страна-реципиент получает возможность влиять на внешнюю и внутреннюю политику страны-донора для реализации собственных национальных интересов. 2. Система образования формирует для иностранных студентов адаптационный «фильтр», стимулирующий изучение языка, культуры, традиций принимающего государства. Если интегрированные в социум студенты останутся в стране, это будет способствовать устойчивости внутриполитических процессов	1. Образовательные мигранты выстраивают политические и культурные мосты между странами, налаживают международные связи, служат политическим интеграционным фактором (рынков труда, капиталов, систем образования и др.), что выгодно для стран-доноров. 2. Вернувшиеся студенты могут являться проводниками иностранной идеологии, системы ценностей, что может осложнить проведение суверенной политики
Социально-экономические эффекты	
1. Система образования страны-реципиента получает прибыль от реализации образовательных программ, языковых курсов и т. д. 2. Экономика страны получает дополнительные доходы от аренды иностранцами жилья, расходов на текущее потребление, транспорт, услуги связи и т. д. 3. В случае закрепления иностранных студентов в стране-реципиенте рынок труда получает высококвалифицированных специалистов в различных отраслях экономической деятельности	1. В случае возвращения на родину образовательных мигрантов государство получает высококвалифицированных специалистов, обладающих трансграничным социальным капиталом и кросс-культурным опытом делового и личного взаимодействия. 2. Если мигранты не возвращаются, для страны-донора это оборачивается потерей человеческого капитала, а также средств, затраченных (до момента эмиграции) на обучение и социальное обеспечение

Окончание Табл.

Для страны – реципиента образовательных мигрантов	Для страны – донора образовательных мигрантов
	Также платное обучение за рубежом можно рассматривать как недополученные национальной системой образования доходы. 3. Сложности с трудоустройством вернувшихся образовательных мигрантов в случае несоответствия полученных компетенций потребностям национального рынка труда могут вызвать рост безработицы и новую волну эмиграции
Демографические эффекты	
1. Если студенты по завершении процесса обучения остаются в стране-реципиенте, государство получает новых граждан в активном репродуктивном возрасте	1. Невозвращение студентов приводит к сокращению населения, в том числе его трудоспособной части, негативным изменениям половозрастной структуры

Источник: составлено авторами.

Дискуссия

Оценивая методологический потенциал, актуальность и применимость обеих концепций к современным геополитическим реалиям (построению многополярного мира, появлению множества конкурирующих между собой центров силы), стоит отметить следующее. Концепт «мягкой силы» Дж. Ная в последние годы переживает сущностный кризис, так как глобальный мир снова вступает в эпоху силового соперничества за территории, население и природные ресурсы. С 2022 г. страны Запада применяют по отношению к России только «жесткую» и «острую силу», используя рестрикции торгово-экономического, технологического и военного характера. Вводятся санкции, ограничивается импорт товаров, запрещается экспорт российских энергоресурсов, замораживаются российские золотовалютные резервы, ведутся военные диверсии, на российское население оказывается манипуляционное информационное воздействие.

Несмотря на то что альтернативный концепт «дипломатии знаний» в отличие от «мягкой силы» должен учитывать интересы обеих сторон, строиться на доверии, он также зачастую не проходит верификацию в социальной реальности.

В середине прошлого века социолог Р. К. Мертон предложил принцип «общности» (наравне с принципами универсализма, бескорыстия и скептицизма), который гласил, что главное в научной деятельности – равный доступ к знаниям, а сами научные открытия должны принадлежать не отдельным исследователям, а всему обществу [Merton 1957]. Современная геополитическая ситуация, непродуманные решения западных элит рушат «мосты», которые выстраивали образовательные мигранты. С 2014 г. западные страны, преследуя политические интересы, пытаются изолировать российскую науку: аннулируют визы студентам и исследователям, совместные проекты, исключают российские и белорусские университеты из международных рейтингов. Все это противоречит «дипломатии

знаний», политизирует и идеологизирует научную деятельность, ведет от сотрудничества в науке к академическому соперничеству и научной поляризации. Наука и образование все сильнее уходят от совместных новых знаний и открытий для глобального блага к решению ситуативных проблем конкретных стран и объединений.

Приведенный выше тезис не призван показать дисфункциональность концепций «мягкой силы» и «дипломатии знаний». Применение «жесткой силы» никак не отменяет рассматриваемые концепты. Они академически признаны, универсальны и могут использоваться в политических исследованиях как веберовские «идеальные типы» – умозрительные конструкции, не наблюдаемые в реальности, но применяемые для сравнения с ними конкретных явлений в социальной реальности.

Однако реальное проявление «мягкой силы» и «дипломатии знаний» в будущем многополярном мире возможно уже не благодаря образовательной гегемонии США и стран Европы, а скорее внутри отдельных политико-экономических и военно-политических блоков и интеграционных объединений, где за всеми участниками признается равноправное положение (ЕАЭС, ШОС, БРИКС и т. д.). Внутри этих объединений между странами будет происходить «дружеская конкуренция» за «таланты». В скором времени может возникнуть вопрос о влиянии внутри интеграционных объединений «мягкой силы» одних государств на другие и о ее воздействии на международную образовательную миграцию, а также о месте в подобных объединениях «дипломатии знаний». Такое положение сохраняет методологический потенциал рассматриваемых концептов и показывает необходимость дальнейшего изучения влияния образовательной миграции на политическое и социально-экономическое развитие посылающих и принимающих мигрантов стран.

Выводы

1. Обострение современных внешнеполитических процессов отчетливо свидетельствует, что концепция «мягкой силы» теряет свою управленческую эффективность в глобальном масштабе. При этом образовательное пространство стремительно формирующегося многополярного мира тяготеет в большей степени к использованию подходов и инструментов «дипломатии знаний». Вместе с тем раскручиваемая спираль конфронтации между старыми и новыми лидерами и, как следствие, распространение «культуры отмены» значительно снижают ее потенциал.

2. Большинство преимуществ от образовательной миграции получает страна-реципиент благодаря своей культурной привлекательности и развитым социальным институтам, укоренившимся миграционным потокам, наличию комплексных государственных программ по привлечению студентов и ученых. Страна-реципиент приобретает внешнеполитический ресурс, возможность влиять через студентов на общественное мнение стран выезда, формирует элиты этих стран, а в случае, если образовательные мигранты будут оставаться для постоянного проживания, получает «человеческий капитал» высокого уровня.

3. Для стран-доноров позитивные эффекты наблюдаются при возвращении образовательного мигранта за счет его социального капитала и «перетока» компетенций. Такой мигрант привозит новые знания, практики, технологии и инновации, ранее недоступные для страны-донора напрямую. В случае безвозвратной миграции большинство последствий для стран-доноров оказываются негативными практически во всех аспектах – внешне- и внутривнутриполитическом, экономическом, социальном, демографическом.

4. Формирование новых интеграционных объединений говорит о большом потенциале использования образовательной миграции как инструмента «мягкой силы» и «дипломатии знаний» не на глобальном, а на межстрановом и внутри-блоковом уровнях.

5. При взаимном обмене студентами, реальной интернационализации образования (например, выстраивании внутри интеграционных объединений, таких как ЕАЭС и БРИКС, единого образовательного пространства) обе стороны получают возможность выстраивать «дипломатию знаний», связывающую экономики, рынки, инвестиции и культуры.

Литература

Андреев А. И., Зинькина Ю. В., Алексеенко О. А. «Кадровый удар» как результат влияния изменений возрастных структур населения ряда стран мира: политический и экономический аспекты // Вестник Московского университета. Сер. 27. Глобалистика и геополитика. 2019. № 3. С. 49–63.

Антонова Н. Л., Сущенко А. Д., Попова Н. Г. «Мягкая сила» высшего образования как фактор мирового лидерства // Образование и наука. 2020. Т. 22. № 1. С. 31–58.

Головко-Охременко А. А., Честнягина К. С. Иностранные студенты образовательных программ США: феномен американской образовательной иммиграции // Россия и мир: научный диалог. 2025. № 1. С. 116–134.

Найт Д., де Вит Х. Интернационализация высшего образования: прошлое и будущее // Международное высшее образование. 2018. № 95. С. 6–7.

Рыбаковский О. Л., Таюнова О. А. Демографический потенциал: из истории понятия // Народонаселение. 2019. № 2. С. 17–25.

Рязанцев С. В., Айдрус И. А., Письменная Е. В. Демографический потенциал как основа развития системы высшего образования. М. : РУДН, 2008.

Рязанцев С. В., Ростовская Т. К., Скоробогатова В. И., Безвербный В. А. Международная академическая мобильность в России. Тенденции, виды, государственное стимулирование // Экономика региона. 2019. Т. 15(2). С. 420–435.

Fulbrighter Community [Электронный ресурс]. URL: <https://fulbrighternetwork.com/> (дата обращения: 06.12.2025).

Gallarotti G. Pedagogical Offensives: Soft Power, Higher Education and Foreign Policy // Alternative Paths to Influence. London : Routledge, 2023. Pp. 113–131.

International Student Economic Value Tool [Электронный ресурс] : JB International. NAFSA. 2025. URL: <https://www.nafsa.org/policy-and-advocacy/policy-resources/nafsa-international-student-economic-value-tool-v2> (дата обращения: 06.12.2025).

Knight J. Moving from Soft Power to Knowledge Diplomacy // International Higher Education. 2015. No. 80. Pp. 8–9.

Knight J. Knowledge Diplomacy: What are the Key Characteristics? // International Higher Education. 2020. No. 100. Pp. 37–45.

Knight J. The Changing World of International Higher Education, Research and Innovation / J. Knight // Knowledge Diplomacy in International Relations and Higher Education. Cham : Springer International Publishing, 2022. Pp. 39–50.

Lomer S. Soft Power as a Policy Rationale for International Education in the UK: A Critical Analysis // Higher Education. 2017. Vol. 74. No. 4. Pp. 581–598.

Marginson S., Xu X. Hegemony and Inequality in Global Science: Problems of the Center-Periphery Model // Comparative Education Review. 2023. Vol. 67. No. 1. Pp. 31–52.

Massey D. S., Arango J., Hugo G. Theories of International Migration: A Review and Appraisal // Population and Development Review. 1993. Pp. 431–466.

Merton R. K. Social Theory and Social Structure. New York : The Free Press, 1957.

Naldi C., Longoni D., Di Calisto A., D’Ascenzo M. The Economic Impact of International Students and Graduates on Host Countries // Proceedings of the 4th Conference with International Higher Education Agencies on the Economic Impact of International Students. Rome, 2023. Pp. 38–46.

Nye J. Soft Power and Higher Education // Harvard University. 2005. Vol. 14. Pp. 11–14.

Nye Jr J. Public Diplomacy and Soft Power // The Annals of the American Academy of Political and Social Science. 2008. Vol. 616. No. 1. Pp. 94–109.

Nye Jr J. Smart Power // New Perspectives Quarterly. 2009. Vol. 26. No. 2. Pp. 7–9.

Nye J. Soft Power: The Evolution of a Concept // Essays on Evolutions in the Study of Political Power / ed. by G. M. Gallarotti. London : Routledge, 2021. Pp. 196–208.

Nye J. Soft Power and Great-Power Competition: Shifting Sands in the Balance of Power between the United States and China. Cham : Springer Nature, 2023.

President Joe Biden: “This is America’s Day” [Электронный ресурс] : Usnews. 2021. URL: <https://www.usnews.com/news/elections/articles/2021-01-20/president-joe-biden-this-is-americas-day> (дата обращения: 06.12.2025).

Secretary Condoleezza Rice. Remarks at the U.S. [Электронный ресурс] : University Presidents Summit on International Education Dinner. 2006. URL: <https://2001-2009.state.gov/secretary/rm/2006/58750.htm> (дата обращения: 06.12.2025).

The Economic Value of International Student Enrollment to the U.S. Economy [Электронный ресурс] : NAFSA. 2024. URL: https://www.nafsa.org/sites/default/files/media/document/NAFSA_Methodology_Economic_Value_2024_FINAL.pdf (дата обращения: 06.12.2025).

The Fulbright Program [Электронный ресурс]. URL: <https://www.fulbrightprogram.org> (дата обращения: 06.12.2025).

The Hubert H. Humphrey Fellowship Program [Электронный ресурс]. URL: <https://www.humphreyfellowship.org/humphrey-alumni/> (дата обращения: 06.12.2025).